

меняли трубы: ему нужно было только расширить отверстие возле них. Так он проник в музей. Невольной «наводчицей» стала Светлана Семёнова, которая в журнале «Уральский следопыт» опубликовала статью о коллекции Денисова-Уральского в Пермском университете. Статья так впечатлила вора, что он несколько раз сходил на экскурсию в этот музей, а потом пошёл на преступление.

Светлана Семёнова:

— Он взял голову кайзера Вильгельма, золотой самородок, что-то ещё. Охранной сигнализации не было, они не понимали, чем владеют. Закопал клад в Балатовском лесу. Его быстро вычислили. Он ходил на все экскурсии, и директор музея его запомнила.

За ним следили и быстро нашли всё, что он украл. Уже тогда экспертиза оценивала это как большую потерю для государства, ему грозил большой срок. Когда я в 1980-е приезжала в Пермь с проверкой издательской деятельности ПГУ, то в качестве «презента» мне устроили возможность ознакомиться с материалами этого дела. Оно меня очень интересовало. Вором был молодой человек 22 лет из приличной семьи, женат. Ему хотелось всего сразу. Он не был ханжой. Он работал оператором хлебозавода №2. Парень этот был мне заочно симпатичен, а вот следователь — наоборот. Когда следователь вёл допрос, то сказал отойти ему к сейфу, имея в виду тот, что у двери, а он подошёл к окну и выпрыгнул. Умер уже в больнице. Похоронили как преступника где-то ночью. Родители просили выдать им тело — не выдали.

Зоя Созыкина и Татьяна Рыбальченко в один голос говорят, что когда молодой человек подошёл к окну, то следователь подумал, что он хочет сбежать, и выстрелил в него. Этим и объясняется тот факт, что родителям не выдали его тело.

Редакция ИД «Компаньон» писала запрос в прокуратуру и архив УВД, но оттуда ответили, что это дело уже уничтожено. Нет его и в музее УВД, хотя, согласитесь, история — нетривиальная. Впрочем, были истории и похуже.

С 8 по 14 октября 1991 года в Софии (Болгария) проходила геммологическая выставка. ПГУ пообещал предоставить экспонаты: 52 изделия

Голова кайзера Вильгельма.
Фото Татьяны Рыбальченко

Денисова-Уральского. Предполагалось, что сопровождать коллекцию поедет директор минералогического музея, но поехала профессор Фаина Алексеевна Курбацкая. 9 октября у неё украли саквояж, в котором хранилось 39 экспонатов коллекции.

Потом она рассказывала, что на вокзале российскую делегацию окружила толпа молодёжи, была суматоха, и кто-то из них в это время выбросил чемоданчик, в котором находилась коллекция, в окно.

Есть человек, который слышал от неё другую версию: Курбацкая ехала с Виктором Константиновичем Гараниным (сейчас — директор минералогического музея имени Ферсмана) в поезде. Они вышли на станции подышать воздухом. Поезд ушёл, и им пришлось его догонять. Когда зашли в своё купе, её вещи были на месте, но чемоданчика уже не было.

Действительно, дело заведено транспортной полицией г. Софии 10 октября 1991 года, но это всё, что известно о той тёмной истории.

В списке утраченного: фигурка толстячка на яшмовом яйце, ручка для зонта из нефрита, крест из горного хрусталя, ковш из родонита, яйцо нефритовое, яйцо родонитовое, печатка в виде вазы из кварцита и т. д. К ужасу всех, выяснилось, что нет ни фотографий потерянного, ни описи, не говоря о страховке.

К счастью, не все 52 предмета пропали, что-то осталось в другой сумке.

Кафедральное начальство, к слову, было в курсе этой ужасной ситуации: Курбацкая и была завкафедрой. А вот ректора в известность не поставили и вообще решили никому об этом не рассказывать.

С той историей это связано или нет, но почти 15 лет — все 1990-е и начало 2000-х годов — минералогический музей был закрыт для широкой публики.

Самый большой скандал в связи с этим произошёл в 2005 году, когда Россия готовила экспозиционный стенд на выставке в Брюсселе. Обратились и в наш университет с просьбой предоставить экспонаты. Сначала пермяки, вроде, согласились, но когда искусствовед Татьяна Мунтян из музея Московского Кремля приехала забирать экспонаты, избушка оказалась на клюшке. Елена Чайковская, тогда директор минералогического музея, уехала на юг и взяла с собой ключи. «Я ничего не могу поделаться», — развёл руками ректор.

Зная пермскую модель поведения, могу предположить, что ректор лукавил. Там все — тёртые калачи. Та же Фаина Курбацкая была великой женщиной. Дело не только в том, что она была первым профессором геологии в Пермской области и академиком, но и в том, что она сыграла главную роль в строительстве нового геологического корпуса университета. Было это в начале 1980-х. Ректором тогда был Живописцев, опытный турнирный боец. Дважды ездили гонцы ПГУ в Министерство высшего образования, но возвращались ни с чем. В третий раз в делегацию включили Фаину Курбацкую, а Живописцев дал такое напутствие: «Так просто вас там не примут, так вы скажите секретарю,